

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РОМАН ОТМАРОВИЧ РАЙНХАРДТ

кандидат экономических наук, доцент
Московского государственного института
международных отношений (университет) МИД РФ
Москва, Россия;
e-mail: don.reinhardt@mail.ru

МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ ЮРЕВИЧ

научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия;
e-mail: MAYurevich@fa.ru

Научная политика в преломлении культурных моделей российских ученых

УДК: 001+316

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12010

Цель исследования заключается в реконструкции культурной модели научной политики, которой придерживаются российские ученые. В качестве ключевого элемента этой модели выделяются взаимоотношения между научным сообществом как профессиональной группой, с одной стороны, и государственными институтами, регулирующими его работу, с другой. В целях реконструкции этой модели была проведена серия сфокусированных интервью, выстроенных вокруг списка вопросов, которые включали два раздела. Первый содержал общие вопросы, связанные с пониманием целей и задач научной деятельности, оправданности разделения научного комплекса на фундаментальный и прикладной секторы и сектор разработок, приоритетов государства в области научной политики, путей ее оптимизации и использования зарубежного опыта. Второй — вопросы, основанные на системе норм и контрнорм

научной деятельности, по А. Митрофу. В целом на 10 из 18 вопросов анкеты были получены в значительной степени совпадающие ответы, в то время как ответы на остальные 8 вопросов такой тенденции не показали. В первом блоке вопросов мнения практически полностью сходятся в определении целей научно-исследовательской деятельности, в то время как на вопросы о подразделении науки на сектора (фундаментальный, прикладной и сектор разработок); о близости или принципиальном отличии естественных и точных и гуманитарных наук; о соотношении университетов и НИИ; о целях, принципах и реализации государственной научной политики были получены сильно разнящиеся ответы. Что же касается блока вопросов, затрагивающих нормы и контрнормы Митрофа, то совпадение мнений было отмечено в следующих случаях: признание преимущественной роли иррациональных мотивов; убежденность в том, что в науке главную роль играет доверие к коллегам, а не надежность методик; одобрение эмоциональной вовлеченности ученых в свою работу; постановка сплоченности научного сообщества выше индивидуального вклада выдающихся ученых; акцент на роли обычных трудовых стимулов в качестве главной движущей силы науки; понимание положения ученого как связанного обязательствами перед своей страной.

Ключевые слова: научная политика, культурные модели, наука в России, научное сообщество, научная дипломатия, нормы и контрнормы Митрофа.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-78-10123.

Введение

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции модели научной политики как административного и управленческого процесса в восприятии российских ученых, которые, по нашему предположению, обладают общей корпоративной культурой. В качестве ключевого элемента этой модели выделяются взаимоотношения между научным сообществом как профессиональной группой, с одной стороны, и государственными институтами, регулирующими его работу, с другой.

Следует отметить, что в современных исследовательских трудах, когда речь заходит о научной политике, в подавляющем большинстве случаев имеется в виду государственное управление наукой, иначе говоря, совокупность мер, которые государство принимает в отношении людей и организаций, занимающихся научными исследованиями. Это подразумевает четкое разделение субъекта и объекта — первым выступают представители государственных ведомств — от президента до назначаемых соответствующими инстанциями руководителей научных организаций, а вторым — собственно ученые, занятые научно-исследовательской работой. В принципе, это разделение воспроизводит картину, которая вытекает из официальных документов: в них определяются ведомства и лица, ответственные за выполнение определенных мер, и очерчивается круг организаций и граждан, в отношении которых эти меры принимаются, например, в действующей Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [*Стратегия*, 2016].

Очевидно, что эта модель сильно упрощает реальную картину организационных отношений в науке. Помимо мер, направленных от администрирования к научной деятельности, она неизбежно включает процессы, направленные в обратном направлении — «снизу вверх», от ученых к администраторам, и относительный «вес» этих процессов вполне сопоставим с «весом» тех, которые направлены «сверху вниз». Этому есть по крайней мере два явных объяснения. Во-первых, никто, кроме самих ученых, не способен в полной мере понять содержание исследований на переднем крае, и любое управление этими исследованиями неизбежно происходит при их непосредственном участии. Формальным признанием этого является институт научной экспертизы, который предусматривает принятие управленческих решений по научным проектам только при участии практикующих исследователей [Шестопал, Коннов, 2014]. Во-вторых, правительственные ведомства формируются в значительной мере за счет выходцев из науки — это касается и непосредственно органов исполнительной власти, осуществляющих научную политику, и тем более — советов, комиссий и рабочих групп, постоянно формируемых этими органами. Конечно, существует некоторая граница между «научными администраторами», как правило, облеченными учеными степенями и званиями и имеющими опыт научной работы, но занятыми главным образом управлением, и непосредственно учеными, отдающими основную часть своего времени исследовательской работе, однако эта граница далеко не однозначна — возможны самые разные соотношения и перемещения между этими ролями, а учитывая масштаб современной «большой» науки, научный успех, за редкими исключениями, предполагает необходимость администрирования коллективной работы.

Тем не менее в видении большинства ученых преобладает картина научной политики как отношений между управляющими и управляемыми, и отношения эти чаще всего представляются конфликтными. Наша гипотеза заключается в том, что истоки такого понимания лежат в определенной организационно-управленческой модели научной политики, разделяемой российскими учеными.

Методология

С целью проверки этой гипотезы была проведена серия сфокусированных интервью с представителями российского научного сообщества. Характеристика группы проинтервьюированных (10 человек) выглядит следующим образом. Самому младшему из них — 26 лет, самому старшему — 83 года. Были опрошены четыре женщины и шестеро мужчин. Среди них четверо докторов наук, четыре кандидата наук и два работника научной сферы без ученой степени. Шестеро респондентов не имеют ученого звания, один — доцент, двое — профессора и один — член-корреспондент РАН. Сферы научной деятельности респондентов включают в себя науки о человеке и обществе (восемь респондентов), физику и химию (по одному респонденту соответственно). Различны и места работы ученых: научно-исследовательские институты, ведомственные исследовательские центры, высшие учебные заведения, коммерческие лаборатории.

В терминах статистики данная выборка не может считаться репрезентативной, однако для целей настоящего *качественного* исследования видится подходящей, поскольку, как представляется, дает адекватный срез современного российского

научно-исследовательского сообщества. В ней представлены две группы дисциплин (гуманитарные и естественнонаучные — в соответствии с широко принятым классификационным разделением), академические и университетские учреждения, государственные и частные. Их численное соотношение, насколько это возможно на столь ограниченном наборе объектов, призвано отразить общую структуру российского научного комплекса. Выбор объектов определялся исходя из того, чтобы при заданной гетерогенности группы исследовать то, насколько значимы факторы, которые могут свидетельствовать о разделении ее элементами некоторыми ценностными установками, а также об иных предпосылках, позволяющих говорить о наличии общей социально-групповой идентичности и, возможно, корпоративной культуры. Тестирование этой частной гипотезы, по нашему мнению, будет способствовать ответу на более широкий исследовательский вопрос, сводящийся к качественному моделированию научной политики, равно как и отдельных ее проявлений (например, научной дипломатии) как социального, административного и управленческого процесса.

При выборе такого подхода авторы руководствовались опытом похожих исследований, проведенных автором из ФРГ [Feldmann, 2014], а также методологией, отраженной в ряде работ [Lange, 2013; Schliek, 2014]. Наряду с этим обратили на себя внимание результаты выборочного интервьюирования ученых, приведенные в журнале «Социология науки и технологий», № 4, 2016 [Lamberti, 2016; Бутник, 2016; Солдатов, 2016]. По нашему мнению, сопоставление и частичное агрегирование ответов могли бы стать следующим шагом для решения поставленных и описанных выше задач.

Таким образом, использовалась методика сфокусированного интервью [Kvale, 2003] с использованием техник когнитивного интервьюирования [Willis, 2005]. Опросный лист был составлен на основе предшествующего опыта исследований культуры российского научного сообщества [Балышев, Коннов, Харкевич, 2014]. Респондентам было предложено 18 основных вопросов. Семь вопросов представляли, по сути, приглашение охарактеризовать собственные представления о ключевых вопросах организации научной работы — о понимании научно-исследовательской деятельности и научной политики, о внутреннем разделении научного комплекса, о моделях управления наукой, об особенностях университетской и академической науки, об отличиях естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, о национальной специфике российского научно-исследовательского сектора. Остальные одиннадцать вопросов основывались на системе норм и контрнорм, составленной Айаном Митроффом [Mitroff, 1983]. По его мнению, этическое регулирование науки не является внутренне согласованным комплексом, а представляет собой набор противоречивых норм. Можно предположить, что сам набор норм и контрнорм, находящихся в противоречии, является универсальным, однако то, как ученые разрешают создаваемые нормами дилеммы, может иметь национальные особенности [Коннов, Юревич, 2016]. Соответственно, вопросы формулировались как дилеммы между нормой и контрнормой, которые предлагалось решить респонденту. Исследование исходило из того, что в ходе ответов на вопросы такого рода будут задействованы культурные схемы. Продолжительность интервью составила от 56 минут до 2 часов 40 минут, общий хронометраж записей около пятнадцати с половиной часов.

Полученные результаты были интерпретированы с использованием стандартных подходов дискурса-анализа [Brown, Yule, 1983; Jorgensen, Phillips, 2002]. При их

обработке учитывались уже имеющиеся концепции, описанные в профильных трудах отечественных специалистов по исследуемой проблематике [Айцеулова, Душина, 2014; Юревич, 2003; Юревич, Цапенко, 2010].

Результаты исследования

Вопрос (1) касался определения научно-исследовательской деятельности и формулировки ее цели. Наиболее полное определение звучало следующим образом: «Деятельность, направленная на познание окружающего мира с помощью специального инструментария, и поиски способов использования ее результатов в общественных или же каких-то частных интересах». Эта формулировка может рассматриваться как общий знаменатель выраженных позиций: большинство респондентов склонялись к мнению, что основная цель научно-исследовательской деятельности — накопление и расширение знания, поиск истины. Параллельно с этим делался акцент на том, что если речь идет о решении конкретной задачи, то требуется переход к прикладным разработкам, изначально ориентированным на практическое применение.

Вопрос (2) касался приоритетов и мер государства в сфере научной политики. В этом контексте было важно узнать взгляды респондентов на основные цели и обязанности государства относительно развития научной сферы. Здесь характерной оказалась следующая трактовка термина «научная политика», предложенная одним из респондентов: под «научной политикой» надлежит понимать политику государства в отношении науки при оценке результатов и динамики научно-исследовательской деятельности. Из этого определения, по мнению респондента, следует, что в том или ином государстве, в то или иное время «научная политика» может быть и абсолютно научного, и антинаучного содержания.

Всеми остальными респондентами в первую очередь было отмечено, что основная цель государства сводится к обеспечению науки должной организационной инфраструктурой, а также финансовыми возможностями. Трое респондентов высказали мнение, что в задачу государства входит выбор направлений и приоритетов для развития науки. Двое респондентов отметили в качестве задачи государственного управления наукой поддержание конкурентоспособности страны на международном уровне. Последнее вполне может восприниматься как развитие идей М. Портера, сформулированных им еще в 1990-х гг. [Porter, 1998, p. 154]. В то же время в одном из более детализированных ответов утверждалось, что главная задача государства как организатора и управленца — обеспечить научные прорывы, а условиями этого прорыва выступает предоставление необходимых ресурсов для раскрытия потенциала исследований, поддержание функционирования науки как сферы экономики и направление научной деятельности на общественно значимые результаты.

И, наконец, один из респондентов выделил следующие ожидаемые результаты от научной деятельности: увеличение ВВП, получение новых разработок для оборонного сектора, получение технологий, улучшающих качество жизни либо продлевающих ее. При этом подчеркивалось, что результаты способны проявиться лишь через длительные промежутки времени, а значит, проекты должны быть более долгосрочными и фундаментальными [Geisler, 2002, p. 13].

Вопрос (3) касался проблемы организационного разделения научного комплекса на фундаментальный и прикладной секторы и сектор разработок. Уверенность в оправданности такого деления выказали четыре респондента. В качестве аргументов приводились: устоявшийся характер этого деления, различные способы получения знаний, свойственные трем названным секторам, а также наличие собственных закономерностей развития каждого из них. Вместе с тем двое из опрошенных подобного мнения не разделяют, высказываясь, в частности, следующим образом: «Это одна из иллюзий современного науковедения, которое зашло в этом смысле в тупик», «Разграничение на сектора, в общем-то, единой науки — недостаток». Остальные отмечают как преимущества, так и недостатки существующей классификации. Так, в качестве преимуществ выделялись упрощение управления, возможность проведения классификации, взаимное стимулирование секторов, ориентирование научно-технической политики на решение задач, характерных для того или иного сектора.

К недостаткам были отнесены ограничение деятельности и свободы «полета фантазии» ученого, фактическая невозможность развития прикладной науки и сектора разработок без науки фундаментальной. В интервью указывалось на игнорирование того факта, что инновационный процесс предполагает связанность деятельности в разных секторах, цепное движение по стадиям исследований и разработок, а также того, что разработки необходимо незамедлительно внедрять, иначе идеи теряют ценность. Отмечалось, что нынешнее деление приводит к тому, что НИР зачастую так и остается на уровне идей или опытных образцов, а механизм их дальнейшей реализации попросту не предусмотрен.

Далее, в ответ на вопрос (4) о возможности базирования оптимальной научной модели для России на зарубежном опыте, четверо из респондентов указали на то, что ответить однозначно в данном случае нельзя, поскольку Россия — самобытная страна, и ей следует выбирать лучшие элементы из того, что имеется. Помимо этого, национальная специфика научной сферы задается экономическими и политическими проблемами, с которыми сталкивается конкретное государство [Коннов, 2009].

Трое опрошенных в вопросе об образцовом примере для России упомянули развивающиеся страны, в частности группы БРИКС [Коротков, 2016]. Так, двое респондентов считают релевантной для России китайскую модель («Интересен опыт Китая, где отсталость страны удалось преодолеть благодаря науке»). Стоит также отметить две отсылки к модели США [Райнхардт, 2016] и две отсылки к механизмам финансирования, существующим в ФРГ [Водяницкая, 2016], в последнем случае — с упоминанием малого числа фундаментальных открытий в этой стране в качестве недостатка.

В ответах на вопрос (5) о преимуществах и недостатках университетской и академической науки пятеро респондентов высказали мнения, что эти сегменты должны развиваться параллельно. Более критичные реплики указывали на то, что университетские разработки всегда ограничены в своей области. Сомнения прозвучали и в оценке возможности участия студентов в университетских исследовательских проектах — они касались как уровня компетентности студентов, так и отрицательного влияния раннего начала работы на образовательный процесс. Вместе с тем в качестве положительного момента отмечалась разносторонность университетов, например: «Союз естественнонаучного, технического и гуманитарного знания — это закон развития науки, и университеты могут подчиняться этому закону».

Касательно положительных и отрицательных характеристик академической науки в России мнения разделились. С одной стороны, в российском научном комплексе в силу особенностей его структуры центр тяжести составляют профильные НИИ, т. е. академическая наука [Медведева, 2013]. Последняя предполагает концентрацию сотрудников на исследованиях, без существенного отвлечения на преподавание, что должно способствовать повышению продуктивности. С другой стороны, в академической науке необходимо решать вопрос кадрового обновления, особенно острый в условиях демографического спада. В качестве недостатка также указывалась проблема оторванности исследований от практического применения. Ее преодоление затрудняется бюрократизацией процесса получения поддержки на новые исследования, в частности, сложностью процедур конкурсного финансирования.

В вопросе (6) поднималась проблема структурно-организационного деления наук на естественные и точные, с одной стороны, и гуманитарные, с другой. В этом случае респонденты продемонстрировали заметные различия во взглядах. Четверо высказали мнение, что чрезмерное акцентирование особенностей естественных, точных и гуманитарных наук искусственно и неконструктивно, так как они представляют собой единое поле и между ними необходимо сохранять баланс, стимулируя рост наименее развитых областей. В то же время трое респондентов выразили позицию, что различия реальны и ярко выражены. Гуманитарные науки ближе к прикладным, они разъясняют и уточняют, их предназначение — в поисках способов решения социальных проблем и улучшения жизни общества. Разница также в предназначении: естественные науки генерируют технологии, которые можно продавать, покупать, заимствовать, передавать и т. д., гуманитарные — порождают институты. При этом в российских реалиях точные и естественные науки лидируют: именно они демонстрируют наибольшую публикационную активность [Ding, Rousseau, Wolfram, 2014, p. 152; Andres, 2009].

В вопросе (7), касающемся того, обладает ли научная деятельность в России специфическими чертами, которые отличают ее от науки других стран, респондентам предлагалось сравнить российских ученых с зарубежными, опираясь на собственный опыт работы с иностранцами. Половина респондентов указали на отсутствие такого опыта. Такое положение дел при прочих равных условиях свидетельствует о по-прежнему низком уровне развития так называемой научной дипломатии, в части двух из трех ее основных измерений — упрощения процесса международного научного сотрудничества (дипломатия для науки) и использования научных альянсов в целях улучшения международных отношений между странами (наука для дипломатии) [Панченко, Торкунов, 2017].

В то же время один из респондентов, обладающий опытом совместной работы с учеными из Австралии и Канады, отметил минимальную разницу в подходах и к исследовательской работе, и к организации их опубликования [Geisler, 2001, p. 113]. По его мнению, различия проявляются скорее на уровне институтов, чем на уровне конкретных практик. В качестве отличия выделялся тот факт, что в России наука в большей степени субсидируется государством и при этом слабо представлена контрактная деятельность. Западная же научная сфера гораздо более ориентирована на подряды со стороны коммерческих организаций. С точки зрения двоих опрошенных, тревожен тот факт, что в российском обществе не вызывают возмущения критически низкие зарплаты ученых и неудовлетворительные условия их труда.

Последующие вопросы были выстроены в соответствии с парами «норма — контрнорма» Митрофа [Mitroff, 1983]. Вопрос (8) касался преобладания в научно-исследовательской деятельности рациональных или иррациональных мотивов, связанных с личностными особенностями. Трое респондентов однозначно высказались в пользу полного доминирования иррациональной, личностной мотивации. Пятеро высказались в пользу преобладания личностных мотивов над рациональными, например: «Эстетика и красота иногда затмевает прагматизм», «Иррациональное — больше», «Науку продвигают скорее энтузиасты». При этом признавалось влияние рациональных мотивов: «С голоду умирать нельзя», «Важно знать, как разработки будут претворяться в реальность». И наконец, двое опрошенных подчеркнули одинаковую важность разных типов мотивации, аргументируя это тем, что существует значительное число рациональных мотивов, включающее в себя не только материальные и карьерные возможности, но и интерес продвижения научных программ и этические принципы. Таким образом, влияние иррациональных мотивов на науку признали все проинтервьюированные, причем восемь из десяти отвели им ведущую роль.

Вопрос (9) затрагивал проблему выбора между «универсализмом» — ориентацией исключительно на содержание научных утверждений — и «партикуляризмом» — ориентацией на автора утверждения, его статус и заслуги. В вопросе предлагалось оценить, насколько оправданно то, что мнения лауреатов Нобелевской и других престижных премий удостоиваются гораздо большего внимания, чем мнения ученых, не обладающих подобным статусом. Восемь респондентов сделали выбор в пользу партикуляризма: четверо респондентов посчитали такое положение дел вполне оправданным, еще четверо — оправданным, но с рядом оговорок: по их мнению, следует учитывать, что в получении высших научных наград свою роль играют случайности и попросту везение. Оставшиеся двое респондентов высказались в пользу универсализма, например: «Люди и без наград заслуживают внимания». Также была высказана точка зрения, что «вес» нобелевских лауреатов падает, так как их становится все больше и это приводит к «инфляции научного авторитета».

В вопросе (10) поднималась близкая тема: должны ли научные результаты быть основаны исключительно на надежности методик или в науке есть место доверию определенным исследователям, которым можно «верить на слово»? Респонденты ответили единогласно: методики практически никогда не обладают абсолютной точностью, и для того, чтобы быть уверенным в данных, необходим личный контакт с получившими их исследователями. Эта позиция не зависела от того, занимается ли респондент гуманитарными, естественными или точными науками.

Вопрос (11) предполагал выбор между «эмоциональной нейтральностью» и «эмоциональной вовлеченностью»: должен ли ученый выдерживать предельную объективность в оценке собственных результатов или норма — увлеченность своей работой и, как следствие, предвзятость. Восемь респондентов из десяти склоняются к мысли, что эмоциональная вовлеченность нормальна и характерна для науки. Двое из них отметили, что ученый должен в первую очередь верить в свое дело, а проверка объективности — дело коллег. Однако двое сочли, что зачарованный своей идеей человек субъективен, нерационален, и поэтому ученый должен прислушиваться к критике и искать золотую середину.

Вопрос (12) касался допустимости использования иных способов убеждения, чем объективные доказательства. Половина опрошенных сочли, что ученый имеет

право отстаивать точку зрения, в которой сам он искренне убежден, даже при отсутствии однозначных подтверждений, но особо подчеркнули свое согласие с содержащимся в вопросе положением о необходимости оглашать имеющиеся сомнения. Вторая половина выступила в целом против возможности убеждения: указывалось на то, что усилия и самого исследователя, и его коллег должны быть направлены на максимально всестороннее обсуждение полученных результатов с описанием условий применимости результата и другими возможными уточнениями. Иные способы действия видятся вредными для науки.

Вопрос (13) затрагивал выбор между индивидуализмом и социальной сплоченностью в науке. По А. Митрофу, это означает выбор между акцентом на индивидуальных заслугах и акцентом на признании роли всего научного сообщества в целом в продвижении науки [Mitroff, 1983, p. 117]. Все респонденты высказались за необходимость признавать заслуги предшественников, без которых никакое новое открытие невозможно. При этом четверо из десяти признают саморекламу со стороны ученых нормальным явлением и отмечают, что это позволяет привлекать в науку новых людей, дает новичкам мотивацию углубляться в новую для них научную тематику. Девять из десяти выразили открытое неприятие «права открыто считать самого себя гением и требовать к себе соответствующего отношения».

В ответах на вопрос (14) о том, движут ли ученым обычные мотивы — заработок, признание и т. п. — или ему требуется особая мотивация, специфическая для исследовательской работы, респонденты единогласно признали значимость обычных мотивов, подчеркивая необходимость со стороны управляющих структур и организаторов процесса обеспечить исследователям достойные условия для работы. Рассуждая о нестандартной мотивации, респонденты упоминали общественное уважение, честолюбие, самореализацию. Свообразными в данном случае выглядели скорее не сами мотивы, а формы их проявления, специфические для научной деятельности. Отличие составили два мотива — «коммуникационный аспект», под которым понималась возможность общаться со специалистами в интересующей человека области, и «приоритет» — стремление заявить о себе как о первооткрывателе.

Вопрос (15) касался исключительных прав на результаты исследований: можно ли ожидать от ученых при распоряжении своими открытиями той же степени приверженности государственным интересам, которая ожидается от военных или гражданских служащих. Сам по себе вопрос подталкивал к утвердительному ответу, и с целью избежать этого эффекта в нем предлагалась альтернатива, в которой положение ученого сравнивалось с положением независимого подрядчика, состоящего с государством в договорных отношениях, которые ограничиваются прописанными в договоре условиями. Тем не менее пять респондентов высказались в пользу позиции, что, если ученый работает в госучреждении, от него справедливо ожидать особой приверженности государственным интересам. Однако одновременно подчеркивалось, что в этих отношениях именно со стороны государства, которое не обеспечивает должный уровень материального и социального обеспечения, демонстрируется безразличное отношение. И это может служить оправданием тому, что ученый ставит на первое место собственные интересы.

Для того чтобы отразить противопоставление нормы следования приоритетам продвижения научного знания и контрнормы общечеловеческих ценностей, в вопросе (16) использовался пример критериев для оценки заявок, поданных в Национальный научный фонд США, — «научная ценность» (intellectual merit) и «обще-

ственно полезный результат» (social impact), — которые в соответствии с инструкцией фонда должны рассматриваться как равнозначные [Коннов, 2009]. Половина опрошенных сочла такой подход оправданным, аргументируя это тем, что государство и общество, финансирующие исследования, имеют право на получение результатов, соответствующих их потребностям. Вторая половина, выступившая против, отмечает, что такой подход неприемлем для фундаментальной науки.

Вопрос (17) касался другой стороны отношений с обществом: должен ли ученый участвовать в общественно-политической жизни или же он вправе держаться от нее в стороне. Только двое респондентов уверенно высказались в пользу того, что для ученого важно проявлять интерес к общественной жизни. Еще двое согласились с этим, но с оговорками: например, могут существовать общества и государства, враждебные науке, и в таких условиях ученый вправе замкнуться в своих научных интересах [Krementsov, 1997, p. 56]. Остальные шесть проинтервьюированных выступили против особого внимания к общественной жизни, акцентируя внимание на том, что для ученого главное — справляться со своей работой.

В порядке уточняющего вопроса респондентам предлагалось оценить, есть ли в положении ученого что-либо заведомо подталкивающее его к оппозиции власти и существует ли российская специфика такого рода. Ни один из респондентов не ответил утвердительно. Отмечалось, что с властью сложно сотрудничать всем, а не только ученым, причем во всех странах [Артемьева, 2018]. Один из респондентов также подчеркнул, что существующие конфликты российских ученых с Минобрнауки и иными органами управления возникают отнюдь не по инициативе ученых.

И последний вопрос (18) затрагивал проблему сочетания свободы выбора исследовательских тем и управления наукой с точки зрения эффективного использования предоставляемых ей ресурсов. Большинство респондентов утверждают, что такое управление необходимо, однако делают упор на его обеспечивающем характере, т. е. главным образом — на создании и поддержании материально-технической базы и финансирования для научного процесса. В вопросе также предлагалось оценить положение действующей Стратегии научно-технологического развития [Стратегия, 2016], в соответствии с которым распорядители бюджетных средств должны перейти к модели «квалифицированного заказчика». При том что четыре респондента затруднились ответить на этот вопрос, среди оставшихся мнения разделились поровну: первая группа полагает, что государство должно делать «социальный заказ» науке, в противном же случае последняя будет развиваться «убого либо совсем никак»; вторая исходит из того, что в случае фундаментальной науки концепция заказа заведомо неприменима ввиду непредсказуемости ее результатов. Что касается понимания термина «квалифицированный заказчик», то согласившиеся объяснить его опрошенные выделили в качестве основных моментов осознанный характер постановки задач перед учеными и четкое представление об искомом результате.

Интерпретация результатов

Подводя итог, отметим, что среди 18 вопросов анкеты на 10 были получены в значительной степени близкие и частично совпадающие ответы, в то время как ответы на остальные 8 такой тенденции не показали. Соответственно, именно схожие ответы позволяют говорить о существовании базовой корпоративной модели.

Конкретно — мнения практически полностью когерентны в определении целей научно-исследовательской деятельности. Учитывая, что респонденты представляли различные специальности, это можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что существует общая культура науки, охватывающая все научные направления, и что есть элементы, не позволяющие науке рассыпаться на набор различных эпистемических культур [D'Andrade, 1992, p. 56]. В рамках этой культуры наука рассматривается как наднациональный феномен — респонденты практически единодушно сошлись во мнении, что различия отечественных и зарубежных реалий сводятся к институциональным факторам, которые не затрагивают содержательную сторону научной деятельности.

В свою очередь, на вопросы: об организационно-управленческом подразделении науки на сектора (фундаментальный, прикладной и сектор разработок); о близости или принципиальном отличии естественных и точных и гуманитарных наук; о соотношении университетов и НИИ; о целях, принципах и реализации государственной научной политики были получены сильно разнящиеся ответы, которые не позволяют говорить о наличии устойчивых культурных моделей. Последнее видится обстоятельством, существенно затрудняющим эффективный менеджмент научного сектора со стороны государства и отдельных лиц, принимающих решения в указанной области.

Что же касается блока вопросов, затрагивающих нормы и контрнормы Митрофа, то совпадение мнений было отмечено в следующих случаях:

- признание преимущественной роли иррациональных мотивов, связанных с личностными особенностями;
- убежденность в том, что в науке главную роль играет доверие к коллегам, а не надежность методик;
- одобрение эмоциональной вовлеченности ученых в свою работу;
- постановка сплоченности научного сообщества выше индивидуального вклада выдающихся ученых;
- акцент на роли обычных трудовых стимулов в качестве главной движущей силы науки;
- понимание положения ученого как связанного обязательствами перед своей страной.

Эти результаты в целом подтверждают ранее проведенные исследования культурных особенностей российской науки. В этом смысле признание роли иррациональных мотивов, доверие к коллегам и одобрение эмоциональной вовлеченности полностью сочетаются с героическим образом ученого, описанного в исследовании С. М. Медведевой [Медведева, 2013]. Основываясь на биографических материалах, опубликованных в «Вестнике РАН», С. М. Медведева показывает, что для российской научной культуры характерно восприятие ученых как людей харизматичных и страстных. Наиболее близкий образ в смежных секторах — например, в медицине, знаменитый киноперсонаж доктор Хаус [Цветков, 2019]. Его качества подразумевают выдающиеся, подчас поражающие воображение способности, всепоглощающую увлеченность наукой и исключительную энергичность в преследовании этого увлечения. В то же время коллективу и начальству работать с таким индивидом зачастую весьма непросто. Речь идет о явно экстраординарных личностях, но именно от них, по распространенному убеждению, зависит продвижение науки. И исключительной роли людей такого рода вполне соответствует признание значения

их особенных, не всегда понятных окружающим мотивов, ожидание, что они будут фанатично увлечены своей работой, а также особая вера в их преданность своему делу и в то, что они лучше других понимают смысл научных исследований. Тенденция одобрять эмоциональную вовлеченность была отмечена и в количественном исследовании, также основанном на нормах Митрофа [Коннов, Юревич, 2016].

Исследования по психологии науки позволяют объяснить неожиданное, на первый взгляд, сочетание веры в роль исключительных личных качеств с мнением, что наука — это, прежде всего, результат организационного процесса и коллективных усилий, а индивидуальные заслуги имеют в ней подчиненную роль. В статье, посвященной социально-психологическим особенностям российской науки, А. В. Юревич показывает, что западные исследователи отмечают среди ученых склонность к сочетанию мегаломании и мессианизма [Юревич, 2003]. В России же эта склонность выражается иначе. «Подобный — индивидуалистический — мессианизм (Я переверну мир) в российской науке, в силу доминировавших в ней настроений, приобретал коллективистские формы, превращаясь соответственно в *мессианизм коллективистский*». Причину этого преломления А. В. Юревич видит в исторически сложившемся в российской культуре «культе служения обществу» [Юревич, Цапенко, 2010, с. 19].

В свете представления об ученом как о человеке, обладающем исключительными качествами, несколько неожиданно выглядит признание определяющего значения за обычными трудовыми стимулами. Объяснить эту особенность можно в сочетании с выделением особых отношений между ученым и государством. Российским ученым свойственно поддерживать автономию науки в плане выбора исследовательских тем, однако для них совершенно не характерны идеи независимости науки от государства в части организации и управления [Соколов, Губа, Зименкова, Сафронова, Чуйкина, 2015]. Отрицательные характеристики положения российской науки практически всегда имеют в виду неудовлетворительное с точки зрения ученых отношение государства к науке, но практически никогда — сам факт зависимости науки от государства, который воспринимается как естественный и необходимый. Улучшение статуса научного сообщества мыслится как расширение его прав и возможностей внутри государственной системы, возможность же самостоятельного существования воспринимается по большей части негативно, как предлог для сокращения финансирования. В этом смысле вопрос о трудовой мотивации, в котором упоминались заработок и условия работы, отсылал к распространенному мнению, что решение этих проблем — задача государства, с которой оно плохо справляется. Это не означает остановку научной работы, ее продолжение обеспечивают качества, присущие самим людям науки, — их личностные особенности, эмоциональная вовлеченность в работу и готовность трудиться ради коллективных интересов с ориентацией на ценность корпоративной культуры.

Заключение

Настоящее исследование представляет собой продолжение работ авторов по анализу корпоративной культуры российского научного сообщества, и говорить о его ценности уместно, скорее, в контексте углубления понимания этого феномена. Методика сфокусированных интервью позволяет обнаружить интерпретации и

внутренние связи, которые не всегда видны в опросах или исследованиях дискурса публикаций, но которые, собственно, и превращают культурные модели в эффективный инструмент ориентации в социуме и продвижения групповых интересов. Методологически преимущество интервьюирования заключается еще и в том, что этот подход дает возможность непосредственно убедиться в реальности существования культурных моделей. Люди разных возрастных групп и специальностей, работающие в сильно отличающихся друг от друга организациях, но объединенные осознанной принадлежностью к научному сообществу, задействуют очевидным образом схожие схемы. При этом речь идет о проблемах, по которым нет какой-то официально сформулированной позиции и, в принципе, нет даже инстанции, которая могла бы сформулировать подобную общую позицию. При этом эффект схожести используемых моделей служит подтверждением того, что принадлежность к устойчивой группе делает каждого ученого в прямом смысле представителем культуры этой группы, ее выразителем. Существование таких моделей, с одной стороны, служащих инструментами достижения индивидуальных целей, но с другой — направляющих поведение принадлежащих к группе индивидов и задающих ему определенные рамки, может служить веским аргументом в пользу того, чтобы рассматривать группу, обладающую собственной развитой культурой, в качестве коллективного субъекта, интегрирующего интересы составляющих его индивидов. Это обстоятельство, оформленное в виде вывода о консолидации представлений отечественных ученых, прежде всего, о ценностях и смыслах их работы, видится осязаемым научным результатом и непременно должно учитываться в практической работе при разработке и реализации мер государственного управления научным сектором. Оно также может играть важную роль в позиционировании отечественного научного сообщества на мировой арене с точки зрения развития научно-дипломатических связей, воплощения в жизнь и продвижения концепции российской «умной силы».

Литература

Артемяева О. А. Советская психология: опыт самоорганизации в изоляции // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2018. № 2. С. 409–420.

Ащеулова Н. А., Душина С. А. Мобильная наука в глобальном мире / Ред. В. М. Ломовицкая. СПб.: Нестор-История, 2014. 224 с.

Бальшиев А. В., Коннов В. И., Харкевич М. В. Ценностные ориентиры экспертов РФФИ: опыт когнитивного картирования // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 94–106.

Будник А. П. Есть наука, которую мы делаем здесь, но мы должны делать науку мирового уровня // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 178–185.

Водяницкая Е. А. Немецкое научно-исследовательское сообщество в научной политике ФРГ // Социально-политическая функция национальных научных фондов. Сб. ст. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 76–116.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.

Коннов В. И. О государственных научных фондах // Российский экономический журнал. 2009. № 6. С. 95–101.

Коннов В. И., Юревич М. А. Стандартные отклонения: российские ученые в зеркале норм и контрнорм научной деятельности // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 96–108.

Коротков И. Г. Научно-исследовательская инфраструктура стран БРИКС // Международная экономика. 2016. № 2. С. 31–37.

Медведева С. М. Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 171–179.

Панченко В. Я., Торкунов А. В. Ученый как дипломат // Российская газета. 2017. 27 июня. С. 5.

Райнхардт Р. О. Взаимосвязь между финансированием науки в США и численностью американского научного сообщества: опыт Национального научного фонда // Научный диалог. 2016. № 10. С. 261–273.

Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафронова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение. 2015. 832 с.

Солдатов А. В. Чего молодежи из нашей лаборатории искать? За рубежом лучше не будет // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 170–178.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

Цветков Ю. А. Дилемма доктора Хауса в управлении наймом и увольнением талантов // Управление. 2019. № 1. С. 78–85.

Шестопал А. В., Коннов В. И. Практическая эпистемология: роль рецензирования в организации научной деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1. С. 198–207.

Юревич А. В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // Философия науки. 2003. № 9. С. 287–308.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: ИП РАН, 2010. 335 с.

Andres A. Measuring Academic Research: How to Undertake a Bibliometric Study. Oxford: Chandos Publishing, 2009. 186 p.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.

D'Andrade R., Strauss C. Human Motives and Cultural Models. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 238 p.

Ding Y., Rousseau R., Wolfram D. Measuring Scholarly Impact: Methods and Practice. New York: Springer, 2014. 341 p.

Dunbar C., Rodriguez D., Parker L. Race, Subjectivity and the Interview Process // Handbook of Interview Process / eds. J. F. Gubrium, J. A. Holstein. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. P. 279–298.

Feldman M. Informationsfreiheitsgesetze in Deutschland. Der Bund und ausgewählte Länder im Vergleich. Hamburg: Diplomata Verlag GmbH, 2014. 136 s.

Geisler E. Creating Value with Science and Technology. Westport: Praeger, 2001. 360 p.

Geisler E. The Metrics of Science and Technology. Westport: Quorum Books, 2002. 400 p.

Jorgensen M., Phillips L. J. Discourse Analysis as Theory and Method. London: Sage, 2002. 240 p.

Krementsov N. L. Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. 371 p.

Lamberti C. Interviews Carlo Lamberti. “You need a good army, you cannot have just a general” // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 162–170.

Lange A. Das problemzentrierte Interview. Grundlagen und Forschungspraxis // Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation. 2013. Vol. 33. No. 4. Oktober. S. 439–448.

Mitroff I. Subjective Side of Science. Seaside: Intersystems Publications, 1983. 329 p.

Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1998. 875 p.

Schliek D. Das schriftliche Interview in der qualitativen Sozialforschung // Zeitschrift für Soziologie. 2014. Vol. 43. No. 5. Oktober. S. 379–395.

Willis G. B. Cognitive Interviewing. London: Sage Publications. 2005. 335 p.

Science Policy in Light of Russian Scientists' Cultural Models

ROMAN O. RAYNKHARDT

Department for Diplomatic Studies, MGIMO-University,
Moscow State Institute of International Relations
of Ministry of Foreign Affairs of Russia
Moscow, Russia;
e-mail: don.reinhardt@mail.ru

MAXIM A. YUREVICH

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia;
e-mail: MAYurevich@fa.ru

The study aims at reconstructing the cultural model of science policy shared by Russian scientists. The key element of the model is reduced to the interrelations between the scientific community as a professional group, on the one hand, and State institutes regulating its work, on the other hand. In order to reconstruct this model, the authors conducted a series of focused interviews based on a list of questions consisting of two blocks. The first block included general questions linked to the perception of goals and tasks of research activity, legitimacy of dividing research into basic and applied sectors alongside research and development (R&D), the State's science policy priorities, and ways of its improvement with recourse to other countries' experience. The second block encompassed questions based on the norms and counter-norms system of research activity according to I. Mitroff. In general, answers on 10 out of 18 questions tend to be cohesive, whereas the remaining 8 responses are not conducive to tracking a tendency. Within the first block, the views almost fully correlate as far as the definition of research activity is concerned. At the same time, questions on dividing research into sectors (basic, applied, R&D); propinquity and differences between natural and exact sciences and humanities; the relation between universities and research institutes; the goals, principles and conducting the State science policy led to quite different responses. As for the second block of questions dealing with Mitroff's norms and counter-norms, a convergence of views was witnessed in the following cases: acknowledging the primordial role of irrational incentives; conviction that trusting the colleagues is more important than the reliability of methods; approval of scientists' emotional involvement within the research framework; preference of the cohesiveness of the scientific community to individual contributions of outstanding scholars; focus on ordinary work incentives as science drivers; perception of the scientist as a person with responsibilities towards his or her country.

Keywords: science policy, cultural model, science in Russia, scientific community, science diplomacy, Mitroff's norms and counter-norms.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Scientific Fond (RSF) according to the research project No. 18-78-10123.

References

- Andres, A. (2009). *Measuring Academic Research: How to Undertake a Bibliometric Study*, Oxford: Chandos Publishing.
- Artem'yeva, O. A. (2018). Sovetskaya psikhologiya: opyt samoorganizatsii v izolyatsii [Soviet psychology: Self-organization and isolation], *Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy*, no. 2, pp. 409–420 (in Russian).
- Asheulova, N. A., Dushina, S. A. (2014). *Mobil'naya nauka v global'nom mire* [Mobile science in a global world], ed. by V. M. Lomovitskaya, S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Balyshev, A. V., Konnov, V. I., Kharkevich, M. V. (2014). Tsennostnyye orientiry ehkspertov RFFI. Opyt kognitivnogo kartirovaniya [Value orientees of RFBR experts: the experience of cognitive mapping], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 4, pp. 94–106 (in Russian).
- Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Budnik, A. P. (2016). Est' nauka, kotoruyu my delayem zdes', no my dolzhny delat' nauku mirovogo urovnja [There is science we are doing here, but we have to do world level science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, vol. 7, no. 4, pp. 178–185 (in Russian).
- D'Andrade, R., Strauss, C. (1992). *Human Motives and Cultural Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ding, Y., Rousseau, R., Wolfram, D. (2014). *Measuring Scholarly Impact: Methods and Practice*. New York: Springer.
- Dunbar, C., Rodriguez, D., Parker, L. (2004). Race, Subjectivity and the Interview Process, in: *Handbook of Interview Process*, eds. J. F. Gubrium, J. A. Holstein. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 279–298.
- Feldman, M. (2014). *Informationsfreiheitsgesetze in Deutschland. Der Bund und ausgewählte Länder im Vergleich*, Hamburg: Diplomata Verlag GmbH (in German).
- Geisler, E. (2001). *Creating Value with Science and Technology*, Westport: Praeger.
- Geisler, E. (2002). *The Metrics of Science and Technology*. Westport: Quorum Books.
- Jorgensen, M., Phillips, L. J. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: Sage.
- Konnov, V. I. (2009). O gosudarstvennykh nauchnykh fondakh [On state science foundations], *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 95–101 (in Russian).
- Konnov, V. I., Yurevich, M. A. (2016). Standartnyye otkloneniya: rossiyskie uchenye v zerkale norm i kontr-norm nauchnoy deyatel'nosti [Standart deviations: Russian scholars in the mirror of norms and counter-norms of scientific activity], *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 96–108 (in Russian).
- Korotkov, I. G. (2016). Nauchno-issledovatel'skaya infrastruktura stran BRIKS [Research infrastructure of the BRICS countries], *Mezhdunarodnaya ekonomika*, no. 2, pp. 31–37 (in Russian).
- Kvale, S. (2003). *Issledovatel'skoye interv'yu* [Research interview], Moskva: Smysl (in Russian).
- Krementsov, N. L. (1997). *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press.
- Lamberti, C. (2016). Interviews Carlo Lamberti. "You need a good army, you cannot have just a general", *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, vol. 7, no. 4, pp. 162–170.
- Lange, A. (2013). Das problemzentrierte Interview. Grundlagen und Forschungspraxis, *Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation*, vol. 33, no. 4, pp. 439–448 (in German).
- Medvedeva, S. M. (2013). Uchenyye ob uchenykh: popytka rekonstruktsii obraza rossiyskogo uchenogo po materialam "Vestnika RAN" [Scholars about scholars: an attempt to reconstruct the image of the Russian scholar on the materials of the "RAS Herald"], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1, pp. 171–179 (in Russian).
- Mitroff, I. (1983). *Subjective Side of Science*. Seaside: Intersystems Publications.
- Panchenko, V. Ia., Torkunov, A. V. (2017). Uchenyy kak diplomat [Scientist as a diplomat], *Rossiyskaya gazeta*, June 27, p. 5 (in Russian).
- Porter, M. E. (1998). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press.
- Reinhardt, R. O. (2016). Vzaimosvyaz' mezhdru finansirovaniyem nauki v SShA i chislennost'yu amerikanskogo nauchnogo soobshchestva: opyt Natsional'nogo nauchnogo fonda [Inteconnections

between science in the US and the size of the American scientific community in the experience of the National Science Foundation], *Nauchnyy dialog*, no. 10, pp. 261–273 (in Russian).

Schliek, D. (2014). Das schriftliche Interview in der qualitativen Sozialforschung, *Zeitschrift für Soziologie*, vol. 43, no. 5, pp. 379–395 (in German).

Shestopal, A. V., Konnov, V. I. (2014). Prakticheskaya ehpiistemologiya: rol' retsenzirovaniya v organizatsii nauchnoy deyatelnosti [Practical epistemology: the role of reviewing in research management], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1, pp. 198–207 (in Russian).

Sokolov, M., Guba, K., Zimenkova, T., Safronova, M., Chujkina, S. (2015). *Kak stanovyatsya professorami: akademicheskiye kar'yery, rynki i vlast v pyati stranakh* [How to become professor: academic careers and power in five countries], Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Soldatov, A. V. (2016). Chego molodezhi iz nashey laboratorii iskat'? Za rubezhom luchshe ne budet [What youth from our laboratory is to look for? Abroad there won't be better], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, vol. 7, no. 4, pp. 170–178 (in Russian).

Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Strategy of science and technology development of the Russian Federation], Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 1 dekabria 2016 g., no. 642 (in Russian).

Tsvetkov, Iu. A. (2019). Dilemma doktora Khausa v upravlenii naymom i uvol'neniyem talantov [House M. D. dilemma in hiring and firing talent], *Upravlenets*, no. 1, pp. 78–85 (in Russian).

Vodyanitskaya, E. A. (2016). Nemetskoye nauchno-issledovatel'skoye soobshchestvo v nauchnoy politike FRG [German research community in the FRG science policy], *Sotsial'no-politicheskaya funktsiya natsional'nykh nauchnykh fondov*: Sb. st., Moskva: MGIMO-Universitet, pp. 76–116 (in Russian).

Willis, G. B. (2005). *Cognitive Interviewing*. London: Sage Publications.

Yurevich, A. V. (2003). Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti rossiyskogo nauchnogo myshleniya [Social and psychological features of the Russian research thinking], *Filosofiya nauki*, no. 9, pp. 287–308 (in Russian).

Yurevich, A. V., Tsapenko, I. P. (2010). *Nauka v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Science in modern Russian society], Moskva: IP RAN (in Russian).